

жить и развиваться. Сам тов. Путилов записал у гребенских казаков в 1945 г. и напечатал в своем первом сборнике песни о русско-японской войне, однако в данном сборнике он их не только не перепечатал, но даже и не упомянул о них.

Во вступительной статье, несмотря на ее небольшой объем и популярный характер, тов. Путилов ставит очень важные проблемы, связанные с изучением исторических песен и старается разрешить их по-новому. Он говорит об исторических песнях как новом жанре, возникающем в связи с развитием русского национального государства. Их отличие от былин (с которыми раньше историческая песня неправильно связывалась генетически) он видит в том, что они соответствуют различным этапам истории русского народа и его сознания и по-разному отображают историческую действительность. Это определяет и их художественные особенности — былина в своей основе фантастична, историческая песня — реалистична (непонятно только, что хочет сказать автор оговоркой: «хотя реализм ее особый, фольклорный», стр. 8. Что это за особый реализм и каковы его качества, в статье не расшифровывается).

В отличие от прежних формалистических работ тов. Путилов основное внимание уделяет идейному содержанию исторических песен и показывает их тесную связь с бытом и идеологией терского казачества. Такой подход к историческим песням является единственно правильным. Однако полностью освободиться от старых представлений тов. Путилов не смог. Уже в самом начале статьи, где дается определение исторических песен, мы встречаемся с идущим от Веселовского понятием некоего «лиро-эпического жанра», который, как видно из комментариев, тов. Путилов считает первоначальным образом исторической песни. Указав совершенно правильно на принципиальные отличия исторической песни от былины, тов. Путилов (как и представители «исторической школы») все-таки сопоставляет историческую песню именно с былиной и почти ничего не говорит о теснейшей связи терской исторической песни с лирической (а в более ранней вступительной статье к «Песням гребенских казаков» 1946, близость исторической песни к лирической была показана им достаточно убедительно). Особенно же чуждая нам методология дает себя чувствовать в комментариях, где говорится о мотивах, их комбинациях, былинных зачинах, былинной экспозиции и т. п., а в комментариях к песне «Терские казаки и Грозный» (пожалование Тереком) совершенно в духе «учения» Веселовского о происхождении эпоса утверждается, что эта песня «в стилевом отношении представляет наиболее ранний образец исторической лиро-эпической песни». Кстати, едва ли эта песня возникла в XVI в., как то думает тов. Путилов, ведущий от нее начало терского фольклора. Вероятно, эта песня, широко распространенная как у терских, так и у донских казаков, возникла в начале XVIII в., когда казачество, выступая против мероприятий правительства, ссылается на свои исконные права и привилегии и подкрепляет эти ссылки авторитетом Грозного.

Все это свидетельствует о том, что борьба с враждебными марксизму-ленинизму течениями в фольклористике еще не закончена и не может быть ослаблена, отдельные положения разоблаченной школы Веселовского еще не изжиты и дают себя чувствовать даже в работах молодых советских фольклористов, стоящих в основном на верных позициях.

В. Соколова

Народное творчество Южного Урала. Вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под ред. и с предисловием В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948, 159 стр.

Вышедшая недавно в Челябинском областном издательстве книжка «Народное творчество Южного Урала» знакомит с дореволюционным фольклором старейшего русского горнопромышленного района (записи советского фольклора обещано дать следующим выпуском) и, несомненно, привлечет внимание как массового читателя, так и специалиста. Для этнографа и фольклориста промышленный Южный Урал представляет огромный интерес, материал же здесь собирався не систематически, случайно и разбросан по местным периодическим изданиям. Представители дореволюционной буржуазной науки бежали подальше от промышленных центров, от «тлетворного, разлагающего», по их терминологии, влияния фабрик и заводов; после Великой Октябрьской социалистической революции материалов по Южному Уралу (Челябинская область) также было издано немного. Книжка И. С. Зайцева в некоторой степени восполняет этот пробел. Она, поскольку это позволяет небольшой объем, дает представление о разнообразных видах поэтического творчества уральских рабочих и крестьян до революции. Изданный материал в течение долгого времени с любовью собирався местным краеведом-фольклористом И. С. Зайцевым, много ценного материала записано им от бабушки Е. В. Зайцевой, превосходного знатока старых крестьянских обычаев и фольклора и создательницы новых песен и сказов. Не все, конечно, здесь одинаково ценно. Лучше всего представлена обрядовая поэзия (полная запись уральской свадьбы, календарные праздники), интересный материал приведен о гуляньях молодежи. Несомненную ценность представляют записи ряда песен (исторических и лирических) и народной драмы. Гораздо слабее и однообразие представлены в книжке сказки, рабочие сказы, песни в частушки.

Однако советский читатель вправе требовать, чтобы ему не только давали сырой (пусть и интересный) материал, но и правильно оценивали, анализировали его, помо-

гали в нем разобраться. К сожалению, и расположение материала, и вступительная статья, и комментарии редактора сборника В. М. Сидельникова страдают очень большими недостатками и не дают правильной ориентировки в предлагаемом материале.

Не выдерживает критики и способна дезориентировать читателя классификация материала. В книге следующие рубрики: I — исторические песни; II — солдатские песни и сказки; III — крестьянские обряды, песни, сказки, причитания; IV — рабочие сказки и частушки; V — песни тюрьмы и каторги. Что положено в основу этой классификации? Вероятно, идейная направленность произведения, его классовая принадлежность. Но ведь солдаты не класс. Как понимают составители «песни тюрьмы и каторги»? Это было необходимо оговорить. И, наконец, почему в особую группу выделены исторические песни? Ясно, что единого принципа в этой классификации нет.

Распределив таким образом весь собранный материал, составители дали неверное представление о характере дореволюционного крестьянского и рабочего поэтического творчества. Оказывается, что для дореволюционного крестьянского фольклора на Урале характерны в первую очередь обряды, а также традиционная сказка и лирическая песня, среди рабочих же бытовали только песни о жизни и труде на заводе, сказки и частушки. Картина получается искаженная. Разве не звучала в дореволюционной уральской деревне частушка? Не рассказывали крестьяне предания о пугачевском восстании, крепостном праве, строительстве фабрик и заводов и многом другом? В свою очередь — разве у рабочих не было лирической любовной песни? Не было сказок? Не было на старой фабрике своих обычаев и праздников? Взаимоотношение рабочего и крестьянского фольклора было гораздо сложнее, чем то представляют составители сборника, и при отнесении произведения к рабочему или крестьянскому фольклору нельзя пользоваться жанровым (и в какой-то мере тематическим) критерием.

Неправильным представляется нам и отказ от помещения в сборнике массовых революционных песен, записанных от уральских рабочих на том основании, что варианты их общеизвестны. Это обеднило рабочий фольклор. Нельзя составить себе правильного представления о настроениях передовой части рабочих и влиянии большевистской партии на их поэтическое творчество, если мы не будем учитывать эти песни. Никак не обосновано выделение в особую рубрику исторических песен. Видимо, составитель и редактор хотели подчеркнуть этим их особую значимость. Но ведь дальше идет крестьянский и рабочий фольклор, и у читателя возникает вполне законный вопрос: если исторические песни не крестьянские, не рабочие и не солдатские, то кто же их создавал и чью идеологию и взгляды на исторические события они выражают? Остается предположить, что они возникли в среде господствующих классов. Как известно, представители буржуазной науки действительно объявляли исторические песни XVI—XVII вв. творчеством высших образованных классов. Мы уверены, что тов. Сидельников не разделяет этой антинародной, разоблачающей в советской печати концепции, но непродуманным распределением материала он отрывает исторические песни от поэтического творчества русских крестьян и рабочих и невольно наталкивает читателя на эту мысль. Выделив в особую группу исторические песни, составитель и редактор не оказались, однако, последовательными до конца — к историческим относятся песни, говорящие о событиях и лицах до середины XIX в., песни же о позднейших исторических событиях отнесены к солдатским. Спрашивается: почему песни об отечественной войне 1812 г. исторические, а песни о первой мировой войне — не исторические? У массового читателя это вызовет законное недоумение, для специалиста же ясно, что это идет опять-таки от не изжитых до конца порочных установок школы В. Ф. Миллера, не признавшей исторического значения позднейших песен¹.

Неизвестно, чем руководствовались составитель и редактор, когда они распределяли материал по разделам. В предисловии это никак не оговорено, из просмотра же книги создается впечатление, что делалось это чаще всего по формальным признакам. Герой сказки — солдат, значит, сказка солдатская; говорится в песне о заводе — следовательно, песня рабочая, обряд обязательно крестьянский и т. д. Только этим и можно объяснить то, что материал, записанный в 1935 г. от Е. В. Зайцевой, попадает в разделы и крестьянского, и рабочего, и солдатского фольклора, и в исторические песни. Выходит, что Е. В. Зайцева, аттестуемая как талантливый мастер-творец (и, несомненно, таковым являющаяся), лишь механически передает фольклор различных социальных групп, не отбирая, не перерабатывая его творчески в соответствии со своим мировоззрением. И что типично солдатского, например, в рассказанной ею широко известной сказке «Курлахан-Курлаханович»? Образ ловкого солдата? Но ведь

¹ Впрочем, редактора и здесь нельзя обвинить в последовательности: к солдатским песням отнесена и песня XVII в. «Не кулик куликает», говорящая о возвращении кн. Вас. Голицына из неудачного похода в Крым. В данном варианте имени Голицына нет, поэтому, очевидно, песня и не попала в исторические, в комментариях же в ней сказано лишь: «данная песня, хотя и не имеет прямого отношения к солдатскому циклу, но пелась солдатами, и в ней упоминается один любопытный исторический факт — участие солдат (очевидно, Московского гарнизона) в строительстве Москвы» (стр. 140).

это одна из любимых образов крестьянской сказки. И таких примеров можно привести много.

Не помогает разобраться в материале и предисловие В. М. Сидельникова. Начинается оно весьма витиевато: «Уральские горные складки хранят в себе не только всевозможные руды, драгоценные камни, но также золотые россыпи народного языка, поражающего оригинальностью, своеобразием и прелестью» (стр. 3). Оставив на совести автора красоты стиля (язык и поэтическое творчество хранит, оказывается, не народ, а горные складки), нельзя никак согласиться с отношением к живому, все время меняющемуся народному поэтическому творчеству и языку как к геологическим ископаемым (а что уподобление тов. Сидельниковым традиционного фольклора геологическим залежам не случайно, видно из замечаний об уральских рабочих сказах на стр. 4, где опять говорится о фольклорных уральских залежах).

Никак не раскрывает тов. Сидельников очень важное положение А. М. Горького о характере народной фантастики. В самом начале предисловия он пишет: «Народная фантазия нашла на Урале благодарную почву. Народное воображение наполнило реальный мир сказочными и фантастическими образами, различными домыслами и предположениями и породило замечательные художественные произведения, являющиеся для нас своеобразной летописью, вобравшей в себя многообразную человеческую жизнь» (стр. 3). Из этого можно сделать вывод — без наполнения реального мира домыслами и фантастикой создание замечательных художественных произведений невозможно, а о каких домыслах и фантастике идет речь — неизвестно. Совсем не вскрыты слабые, исторически ограниченные черты мировоззрения дореволюционного крестьянства, его суеверия и предрассудки, нашедшие отражение и в поэзии (и особенно в обрядах), а отсюда и восторженное, совершенно некритическое отношение к ним. Тов. Сидельников раскрывает идейное содержание дореволюционных рабочих сказов и песен, говорящих о тяжелом гнете и произволе, о жгучей ненависти рабочих к эксплуататорам и вере в победу над ними. Показан им и социальный смысл народной драмы (озаглавленной «Скоморошья итрица»), представляющей яркий образец острой народной сатиры, направленной против господствующих классов. Относительно же обрядовой поэзии он ограничивается лишь общими восторженными замечаниями. Смысл обрядов, условия, породившие и способствовавшие их бытованию, не раскрыты, нет политической оценки тех вредных пережитков в сознании, которые обряды нередко в себе несут.

Неудовлетворителен и анализ помещенных в сборнике сказок. Ценность их тов. Сидельников видит в том, что «они несут на себе следы уральской местности, уральской жизни и по-новому разрабатывают известные бродячие сюжеты» (стр. 10, подчеркнуто нами.— В. С.). От пользования компаративистским термином «бродячие сюжеты» давно надо отказаться. Следует показать то новое, что отличает именно уральскую сказку, а это тов. Сидельниковым не сделано.

Автор ограничивается восторженными замечаниями о красочном и образном языке, об идейном же содержании сказок сказано только: «Все сказки сатирические, в них ясно выражена идеология русского человека, его качества и стремления. Сказки звучат остро» (стр. 10). Что это за идеология, какого русского человека — какой среды, эпохи? А если бы это были не сатирические сказки, они не раскрывали бы идеологию русского человека? Исторического подхода к дореволюционному крестьянскому фольклору у тов. Сидельникова нет, его развития он не показывает, а отсюда и такие общие, ничего не говорящие фразы. Нельзя, конечно, превратить вступительную статью в детальное исследование о дореволюционном уральском фольклоре, но ясность и четкость формулировок для нее обязательна.

Комментарии к сборнику также не дают анализа произведений, а ограничиваются преимущественно выборочным указанием их вариантов в других сборниках, вызывающим большие недоумения. Понятно, что в сборнике, рассчитанном на массового читателя, невозможно (да и не нужно) указывать решительно все варианты, можно и совсем такого указателя не давать, но, уж если комментатор эти указания делает, мы вправе от него требовать, чтобы он указал прежде всего варианты, записанные в тех же и близких районах, и варианты в наиболее крупных собраниях. Но тов. Сидельников отдает явное предпочтение сборникам, составленным или редактированным им самим: «Волжский фольклор» и «Ярославский фольклор» указываются всюду, где это возможно, ссылки же на другие издания случайны. Это производит невыгодное для комментатора впечатление, особенно если принять во внимание, что и «Волжский фольклор», составленный В. М. Сидельниковым и В. Ю. Крупянской, и «Ярославский фольклор», составленный Б. Н. Быстровым и Н. Е. Новиковым и редактированный В. Ю. Крупянской и В. М. Сидельниковым, фигурируют повсюду как: В. М. Сидельников, Волжский фольклор, Куйбышев, 1938; В. М. Сидельников, Ярославский фольклор, Ярославль, 1938.

В заключение нельзя не отметить песню, открывающую сборник: «Про реку Камушку да про Пугачева атамашушку»; ее содержание и стиль убеждают, что это не массовая народная историческая песня, а стихотворение (возможно, Е. В. Зайцевой), и включение его в сборник традиционного фольклора не оправдано. Никакой ценности, вопреки уверениям редактора, оно не представляет, а является откровенной стилизацией под народные песни в духе середины XIX в. Стилизацию выдает нарочито архаичный язык, изобилие употребленных кстати и некстати уменьшительных

суффиксов, постоянные инверсии и стихотворный размер (10 слогов с сильными ударениями на 3-м и 7-м слогах, с цезурой посередине), заставляющий вспомнить Кольцова, Никитина и их подражателей, но не народные песни. Смысл пугачевского восстания в этой песне не раскрыт, аналогия между Ермаком и Пугачевым («по крови братья»), «верные сыновья Руси матушки») исторически неверна и в народных песнях и преданиях не встречается (заключительные слова Пугачева — «буду собирать рать, чтоб не царствовал род дворянский, а вольготно жил люд крестьянский» — не исправляют дела). Подлинные народные песни и предания о Пугачеве несравненно глубже и вернее показывают классовую сущность восстания и отношение народа к Пугачеву. Между тем это слабое произведение не только без всяких оговорок помещается в сборнике, но и рекомендуется читателю как ценный и интересный вариант неизвестной доселе песни о Пугачеве (см. предисловие, стр. 11). Это говорит о некритическом отношении составителя и редактора к публикуемому материалу и заставляет нас остроженно отнестись и к другим записям (в некоторых литературная правка иногда чувствуется, некоторые — просто слабые произведения). Хочется пожелать, чтобы обещанный второй выпуск записей И. С. Зайцевым — советский фольклор Южного Урала был сделан более тщательно и дал бы правильное представление о современном поэтическом творчестве южноуральских рабочих и крестьян.

В. Соколова

И. Г. Париров, *Русский фольклор Нарыма*, Новосибирск, 1948.

Сборник И. Г. Парирова является первой крупной послевоенной публикацией сибирского фольклора и заслуживает внимания прежде всего свежестью публикуемого материала. Русский фольклор Нарыма до настоящего сборника был почти неизвестен не только широким читательским кругам, но и фольклористам-специалистам. Книга И. Г. Парирова является первой попыткой характеристики русского фольклора Нарыма в его современном состоянии и, частично, в его прошедшем.

Публикация И. Г. Парирова дает возможность продолжить изучение очень сложного в фольклорном отношении устного творчества Сибири. В течение многих лет богатый русский сибирский фольклор широко пополнялся песнями политкаторжан, песнями каторги и ссылки, новыми песнями и сказками, приносимыми в традиционный сибирский фольклор переселенцами. Вполне понятен поэтому тот интерес, с которым и читатель, и исследователь обращаются к работе И. Г. Парирова.

При всем своем значении первой публикации русского фольклора Нарыма, книга имеет недостатки, которые, кстати сказать, свойственны и другим фольклорным сборникам последних лет. Основная отрицательная черта — недостаточность советского фольклора — бросается в глаза при первом же знакомстве с книгой. Материал в анализируемом сборнике расположен по жанрам. В нем представлены сказки, местные предания и рассказы о прошлом Нарыма, песни (свадебные, хороводные, игровые, плясовые, шуточные и сатирические, любовные и семейные, исторические, солдатские и казачьи, песни о ссылке и тюрьме, песни о Великой Отечественной войне), частушки, пословицы и поговорки, детский фольклор. Былины автору в живом бытовании не встретились; о причитаниях и загадках он не упоминает совсем, ничем этого не мотивируя. При таком распределении материала современный советский фольклор оказался в тени. Автор не вскрывает принципиальной разницы, того качественного различия, которое существует между фольклором традиционным и современным. В частности, такая характерная черта современного фольклора, как его тесная связь с литературой, с печатным словом вообще, воспринимается автором как нечто чуждое и неполноценное. И. Г. Париров разделяет, например, публикуемые песни на подлинно народные, фольклорные «не только по бытованию, но и по происхождению», и на песни литературного происхождения, которые, видимо, к подлинно народным отнести нельзя. Советская фольклористика давно уже отказалась от старых идеалистических представлений о народном творчестве, как о чем-то замкнутом и развивающемся в самом себе. Если собиратель считает правомерным (и правильно считает!) включать в свой сборник ставшие народными варианты «Катюшин» Исаковского, то ему нет нужды оправдываться в публикации таких сказок, как «Бова» и «Еруслан», или таких песен, как «Что ты, ветка бедная» или «Вянет, пропадает красота моя» и др.

Для связи современного фольклора с литературой характерна не только фольклоризация книжных произведений, но и создание новых, подобных песням Г. Р. Костыревой. Автор правильно сделал, поместив эти песни в свой сборник; следовало бы только подчеркнуть типичность такого явления для современного фольклора. Костырева для Нарыма — это то же, что Яркова в Пензенской области, Рогожникова на Урале, Голубкова на Севере.

Недостаточность современного фольклора в сборнике тем более удивительна, что экспедиции проводились в дни Великой Отечественной войны, когда устное народное творчество достигло мощного подъема и характеризовалось расцветом советского патриотизма, гордости за свое национальное прошлое. Собранный автором материал лишь частично отражает это. Книга значительно выиграла бы, если бы советский